

© 2004 г.

**В. И. СТАРОВЕРОВ**

## **РЕЗУЛЬТАТЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ**

---

*СТАРОВЕРОВ Владимир Иванович - доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник ИСПИ РАН, президент Российского отделения Европейского научного общества социологов-аграрников.*

---

Эмпирической основой для анализа в данной статье результатов либеральной модернизации современной российской деревни стали официальная статистика о ее функционировании и развитии в последние полтора десятилетия, а также данные двух ежегодных мониторинговых социально-экономических обследований: "Форми-

рование и становление единоличного крестьянства и фермерства" и "Либеральная модернизация сельского хозяйства и деревни в России". Они проводятся под руководством автора с 1991 г. Сначала совместными усилиями сектора социологии деревни ИСПИ РАН и коллективом Института аграрной социологии (ИАС) по всероссийской выборке, а с 1997 г. после ликвидации академического сектора в 4 районах разных субъектов Европейской части РФ.

Параметры этих мониторингов описаны в одной из наших книг [1]. Поэтому, не останавливаясь на их характеристике, обратимся к непосредственному анализу системных изменений в природе и облике российской деревни, а также ключевых исходных моментов реализуемой в России стратегии и политики ее либеральной модернизации, особенно социокультурной организации сельского бытия.

Прежде, чем начать такой анализ, необходимо сделать две оговорки, определяющие его характер и направленность. Первая касается используемых ключевых понятий. Необходимость пояснения их сути обусловлена воцарившейся в современной науке и практике многозначностью терминологии, в результате чего все чаще диалог авторов и читателей обретает бессодержательный характер, поскольку, общаясь вроде бы на одном языке, они вкладывают в сказанное разные смыслы.

Говоря о *селе или деревне*, мы имеем в виду не типы поселения, а исторически сложившуюся, внутренне дифференцированную *социально-территориальную подсистему* общества. Ее системность обеспечивается органической взаимосвязью демографической, производственно-экономической, социальной и духовной жизнедеятельности людей с природно-географическими и искусственно созданными материально-вещными условиями их существования. Основными своими компонентами она тождественна городу и одновременно дихотомична ему, формирует совместно с ним целостность социально-пространственной организации общества [2].

Содержание понятия *культуры* (все созданное руками и разумом человека, в том числе усовершенствование самого себя; совокупность результатов сознательной или бессознательной деятельности, взаимодействия и взаимовлияния людей) имеет всеобъемлющий характер. Учитывая это, мы ограничиваемся анализом лишь наиболее значимых для понимания сути изменений в современной российской деревне разновидностей *материальной* (включающей всю сферу материальной деятельности и ее результатов) и *духовной* (включающей духовную деятельность и ее продукты) *культуры*. Прежде всего - культуры экологической, производственной, экономической, профессиональной; рынка, труда, быта, досуга; потребления, общения, демографического воспроизводства и т.д. А также *материальных оснований* сельской культуры, в том числе духовной, поскольку в развитой стадии она может существовать, сохраняться и передаваться главным образом посредством материальных учреждений (клубов, театров, музеев и т.д.) и в материальной форме - книг, экспонатов, национальных парков и т.п.

В своем взаимодействии эти разновидности культуры обуславливают формы общения и образа жизни сельского населения, его социальную активность, а во взаимосвязи совокупности их с материальными основаниями образуют *социокультурное пространство* деревни. От уровня развитости последнего зависит эффективность ее функционирования, которая характеризуется, с одной стороны, степенью гуманизации условий существования и развития самого сельского населения, с другой, вкладом его в благополучие и развитие общества в целом.

Вторая оговорка заключается в том, что в эмпирико-аналитическом разделе мы ограничиваемся одним направлением сложной темы, а именно: показом сути и характера изменений в социокультурном пространстве современной российской деревни и, соответственно, порожденных ими проблем ее нынешнего функционирования, а также - не говорим уж о собственном развитии - хотя бы сохранения ее в роли деятельного субъекта исторического развития страны. То есть, в качестве активной и относительно самодостаточной социально-территориальной подсистемы общества.

Статистика и наши собственные данные позволяют утверждать, что в 1990-е гг. ее социокультурное пространство вступило в стадию системной деградации. Суть этого тревожного для России процесса характеризуется следующими тенденциями: *утратой естественно-природной средой деревни качеств окультуренности*, одичанием значительных сельских пространств. Из сельскохозяйственного оборота выпало около 40 млн. га пашни, которая зарастает кустарниками, заболачивается, превращается в непроезжие и не контролируемые человеком пустоши. Из 112 млн. га мелиорированных земель большая часть утратила оросительные и дренажные системы, превратилась в засушливые богары или переувлажненные массивы. Внесение органических удобрений (а это важнейший показатель агротехнической культуры земледелия) уменьшилось в 7 раз, минеральных в 8 раз. По этой причине плодородие 80 млн. га сельскохозяйственных угодий снизилось до уровня естественного фона, т.е. они переходят из культурного состояния в доаграрно-естественное. Одичанию сельского пространства способствует разрушение большей части сельских дорог, для ремонта которых ни у населения, ни у сельскохозяйственных предприятий нет средств. Довершает картину варварская вырубка арендуемых лесов, после которой десятки млн. га естественного ландшафта становятся маложизненными и недоступными для хозяйственной деятельности. *Децивилизацией* на селе материальных оснований культуры производства и условий труда. *Ее характеризуют, прежде всего, такие процессы, как:*

*Деиндустриализация аграрного производства* вследствие резкого спада поставок для него сельхозмашин и технических средств. Обеспеченность в соответствии с технологическими нормативами снизилась с 90-100 до 35-60%. А это означает, прежде всего, невозможность обеспечить требования агротехнической и зоотехнической культуры и, соответственно, спад урожаев и привесов. Около 90% действующих машин и технических средств уже выработали свой амортизационный ресурс. Между тем их ныне поступает в сельское хозяйство в 10-12 раз меньше, чем выбывает в результате износа. Следовательно, темпы деиндустриализации и, соответственно, *декультурации* в этой сфере будут нарастать.

*Уменьшение* в 3-4 раза масштабов промышленной переработки аграрной продукции, что ведет не только к большим ее потерям, но и снижению качества *культуры потребления* (в том числе горожан), а также к сужению социокультурного пространства профессионализации сельского населения. Большая часть агроперерабатывающих предприятий расположена в деревне и, следовательно, указанный процесс сопровождается адекватным сужением здесь сферы занятости квалифицированным трудом индустриального типа.

*Разрушение* базирующейся на технологиях высокой и средней сложности инженерной инфраструктуры производств неаграрного характера, что снижает профессионально-квалификационный потенциал наиболее интеллектуальной части сельских тружеников, вымывает из деревни один из наиболее культурных слоев. В результате этих трех процессов в деревне нарастающими темпами снижается доля сложного (наиболее окультуренного) и растет удельный вес простого, мало окультуренного и потому неквалифицированного труда. Так, в аграрном производстве по данным вышеназванного мониторинга произошли следующие изменения (табл.1). Причем, при сокращении объемов сельскохозяйственного производства на 40%, численность занятых в нем несколько подросла, общий объем человеко-часов работ в сельском хозяйстве увеличился на 50-60%, общественная производительность аграрного труда в расчете на чел.-час работы снизилась в 2,3-2,5 раза.

Произошло это вследствие вынужденного перехода квалифицированных работников, в т.ч. из неаграрной сферы, в низкопроизводительный, мало механизированный и потому слабо окультуренный приусадебный сектор. Сегодня в нем *вынужденно* трудится на постоянной основе столько же народа, сколько в системе сельскохозяйственных предприятий, и втрое больше занято здесь по совместительству. Вместе

Доля сельскохозяйственных работ, выполняемых  
разными культурными способами (в %)

Способ работ	Год	С/х в целом	СХП	Кр.-ферм. хозяйство	Хоз-во населения
Механизированный	1991	45-50	50-55	50-55	35-40
	2000	25-30	40-45	30-35	4-5
	2003	22-26	39-43	29-33	2-3
С помощью машин и механизмов	1991	30-35	35-40	30-35	25-30
	2000	10-15	35-40	25-30	8-10
	2003	9-12	34-38	24-28	7-8
Конно-ручной	1991	5-7	2-3	10-12	9-10
	2000	10-12	3-5	25-30	10-15
	2003	12-15	3-5	27-31	12-16
Ручной	1991	15-20	15-17	18-20	30-35
	2000	52-58	17-22	20-25	60-70
	2003	57-60	20-25	24-27	62-74

Источник: Данные мониторинга Института аграрной социологии.

с дачными участками этот сектор дает 55-60% всей аграрной продукции и вместе с тем в нем используется свыше 4/5 всей рабочей силы сельского хозяйства.

Быстро нарастают темпы социальной деградации отряда аграрных работников. Он депрофессионализируется: из 2 млн. специалистов сельского хозяйства уже сейчас только 438 тыс. имеют высшее образование, остальные, в сущности, практики. Депрофессионализация кадров массовых профессий еще выраженнее: численность работников с начальным профессиональным образованием уменьшилась вдвое, доля механизаторов I—II классов сократилась с 67 до 60%, а профессионализированных рабочих животноводства упала до 22%. Подготовка кадров в сельских профтехучилищах из года в год сокращается, а доля закрепляющихся в СХП и аграрных организациях выпускников СПТУ, техникумов и вузов снизилась до 15-25%.

Причина всему этому - неблагоприятные социальные условия труда и быта на селе вследствие того, что в 1990-е г. сложились и набирают темпы процессы разрушения базирующейся на технологиях высокой и средней сложности социально-инженерной инфраструктуры производства. К этому добавляются следствия распада инфраструктуры социального и инженерного обустройства быта, образования и здравоохранения, которого мы коснемся несколько ниже.

*Обнищанием и пауперизацией* основной массы сельского населения, *утратой ею возможностей не только для расширенного, но и простого социального самовоспроизводства.*

Как известно, горбачевская перестройка была не самым лучшим временем для страны в целом, для аграриев в том числе. Но, по крайней мере, последние в материальном отношении были на равных со всем прочим населением. Зарплата аграриев в 1990 г. составляла 289 руб. в месяц. Она составляла 92% к среднемесячной зарплате по стране (303 руб.), была несколько меньше, чем у работников промышленности, строительства, транспорта и управления, но выше, чем в торговле, связи и других отраслях - на уровне работников информационно-вычислительного обслуживания.

Сейчас аграрии по уровню заработной платы на последнем месте в отраслевой структуре российских трудящихся. В обществе, где критерием оценки общественного положения трудящихся или группы их традиционно является оплата по труду, такая ситуация однозначно воспринимается как утрата крестьянством своей социальной значимости, его социальная маргинализация. Показателем ее является обнищание

**Самооценка сельским населением благосостояния  
их семей (% опрошенных по годам)**

Семейных доходов хватает на...	1987	1991	1995	2000	2003
Приобретение всего, чего желаем	-	0,2	0,7	1,9	2,1
В разумных пределах можем купить все, но на дом или машину надо копить	17,9	3,1	10,5	11,8	9,7
На жизнь хватает, а чтобы купить телевизор или хорошую одежду, приходится экономить	51,6	37,0	23,8	21,4	18,6
Хватает только на питание и скромную одежду	19,1	48,1	30,0	33,3	32,7
Не хватает даже на нормальное питание	1,4	11,6	35,0	31,6	36,9

*Источник:* данные исследований автора.

все больших масс аграрного населения. Косвенным свидетельством ее масштабов являются данные таблицы 2, характеризующие самооценку сельским населением благосостояния их семей. Из данных табл. 2 видны тенденции, во-первых, поляризации сельского населения по признаку материального положения; во-вторых, роста доли бедного и нищего, не имеющего средств на нормальное питание населения. Причинами этого являются, во-первых, рассмотренные выше процессы в производственной сфере, обусловившие резкое снижение общественной производительности в сельском хозяйстве, во-вторых, созданное реформаторами неравноправное положение последнего в экономическом пространстве страны.

Объявив российское сельское хозяйство "черной дырой", радикальные либерал-демократы создали для него такие организационные и экономические условия, в соответствии с которыми российский аграрий получает за равное количество произведенного им продукта в 6 раз меньше европейского крестьянина и в 9 раз меньше американского фермера. Обращаем внимание, что речь идет не о равном количестве труда, меру которого можно с умным видом и внешне убедительно трактовать и так и этак, а о равном количестве произведенного в худших условиях сельскохозяйственного продукта.

Результаты этого налицо. В 1980-е гг. доля убыточных колхозов и совхозов снизилась до 3 и 1,5%; в 1990-е гг. 4/5 аграрных предприятий стали хронически убыточными. В последние благоприятные для растениеводства три года доля их снизилась до 59%, в целом отрасль получила некоторую (1-2%) прибыль. Но столь мизерная прибыль не улучшила экономическое положение большинства предприятий. Так, 74-77% всей прибыли пришлось в последние годы на крупные зернопроизводящие хозяйства 8 регионов, а остальным достались крохи. В результате суммарная задолженность их по всем обязательствам увеличивается ежегодно на 44-52 млрд. рублей. Причем, из 321 млрд. общей задолженности просроченная составила 205 млрд. рублей. Кредиторская задолженность в 6 раз превысила сумму дебиторской и вдвое больше годовой выручки от реализации всей полученной ими сельскохозяйственной продукции. В 2003 г. долговая кабала СХП и организаций увеличилась еще более чем на 50 млрд. рублей. Это обстоятельство, созданное установившимся в начале 90-х годов и не преодоленным поныне диспаритетом цен на аграрную продукцию, с одной стороны, технические средства и услуги сельскому хозяйству, с другой, а также невыполнением государством своих обязательств по компенсации расходов сельхозпроизводителей на общесельскую "социалку", диким рынком и т.п. не зависящими от аграриев обстоятельствами, создала для большинства СХП постоянную угрозу быть в любой момент подвергнутым банкротству. Не удивительно, что просроченная задолженность по оплате труда аграриев составила на начало 2004 г. 10 млрд. руб. или

## Социально-бытовое строительство в сельской местности

Построено	1990	2003	2003/1990, %
Жилых домов, млн. кв.м	17,9	7,4	41
В т.ч. индивидуальными застройщиками,	2,1	6,6	313
государством и СХП	15,8	0,8	5
Водопровод, тыс. км	8,5	0,8	9
Общеобразовательных школ, тыс. мест	181	37	21
Дошкольных учреждений, тыс. мест	84	1,5	2
Больниц, тыс. коек	5,3	1,0	19
Поликлиник, тыс. посещений в смену	18	3,3	18
Клубов и ДК, тыс. мест	90	7,7	9
Линий электропередач, тыс. км	61,2	5,9	10
Дорог с твердым покрытием, тыс. км	25,7	2,3	9

Примечание: расчет по данным Минсельхоза России.

1,3 ее месячного фонда и равна сумме некомпенсируемых государством расходов СХП на "социалку". 56% аграрных работников получают зарплату несвоевременно.

*Распадом инфраструктуры социального и инженерного обустройства сельского быта, образования и здравоохранения.*

Распад сельской социальной инфраструктуры обусловлен, прежде всего, отставанием объемов нового строительства в социально-бытовой сфере от показателей амортизации ее материальных основ. Сказались также перегибы с приватизацией и перепрофилированием значительного ряда ее объектов - филиалов и пунктов районных комбинатов бытового обслуживания, клубов, дошкольных учреждений, начальных школ в начале 90-х годов. В целом выше упомянутое отставание характеризуется резким снижением строительства социально-бытового назначения. В доказательство приведем следующую сводную статистическую таблицу (табл. 3).

Причина столь резкого спада строительства в сельской социально-бытовой сфере кроется в отсутствии или слабости его финансирования. Прежде всего вследствие вышеуказанного обнищания СХП, которое ныне автоматически влечет за собой окончательный распад сельской социальной инфраструктуры. Ранее она развивалась и функционировала преимущественно за счет колхозов и совхозов. СХП и сейчас тратят на нее 9-12 млрд. руб. ежегодно. Эти траты должны компенсироваться им государством, что делается далеко не в полном объеме. Поэтому новые, частные аграрные хозяйства отказываются от забот об инфраструктуре общего пользования. Государственные же инвестиции в эту сферу не только не увеличились, но сократились в 90-е гг. двадцатикратно, вследствие чего общие инвестиции уменьшились в 13-14 раз. В итоге повседневное сельское бытие все более обретает характер полного самообслуживания, как это было типично для российской деревни XIX века, что, естественно, влечет за собой общий упадок культуры жизни сельского населения.

Процессы производственного, экономического и социоструктурного обнищания сельского бытия особенно *негативно сказываются на социализации сельской молодежи*. Она просто-напросто выключается из области активной жизнедеятельности, о чем свидетельствуют данные табл. 4, отражающие ее экономическую активность и занятость. В некоторых регионах доля безработной молодежи в возрасте 21-29 лет достигает 35-40%, а 15-20-летней - 50-60%.

Ограничения в сфере трудовой социализации усиливаются отчуждением сельской молодежи от социализации в образовательной сфере. Она все более явственно усугубляется складывающейся *тенденцией снижения образовательного уровня моло-*

## Экономическая активность и занятость сельской молодежи

Показатели	1992	2002
Численность молодежи 15-29 лет	7241	8260
Экономически активная молодежь	4995	4415
занятые	4658	3656
безработные	337	759
Уровень экономической активности, %	69,0	53,5
Уровень занятости, %	64,3	44,3
Уровень безработицы, %	6,7	17,2
Экономически неактивная молодежь	2246	3845

Источник: данные обследований занятости Госкомстата РФ

Таблица 5

## Причины непосещения школы сельскими детьми школьного возраста (в %)

Причины по словам родителей	1999	2004
Школа далеко, а подвоза нет	2,8	7,1
Нет денег на учебники, одежду, обувь	21,9	32,5
Помогают в личном подсобном хозяйстве	30,3	36,1
Работают по найму, иначе семье не прожить	10,5	15,3
Не хотят учиться	22,9	6,6
Прочие причины	13,6	4,3

Источник: данные мониторинга Института аграрной социологии

дых людей, которым предстоит в ближайшее время обновить стареющие кадры деревни. Уже с середины 90-х гг. многие подростки из материально неблагополучных семей стали бросать школу, в результате свойственная России на протяжении последних двух-трех столетий тенденция, в соответствии с которой каждое следующее поколение россиян становилось образованнее предшествовавшего, сменяется на противоположную. Нынешнее поколение сельской молодежи школьного возраста имеет образование ниже, чем их родители в соответствующий период своей жизни. В последние три-четыре года вне школы оказывается ежегодно от 500 до 600 тыс. детей школьного возраста. О причинах свидетельствуют следующие данные социологического опроса (табл. 5).

Основными причинами этого позорного для XXI века явления становится бедственное положение семей, когда невозможно снарядить школьника, приходится впрягать его в работу в личном подсобном хозяйстве и все чаще посылать "в люди" для заработка на прожитие. Ведь средняя заработная плата в сельском хозяйстве составляет 80-90% от прожиточного минимума, 86% аграрных работников получили в 2003 г. заработную плату ниже прожиточного минимума. Немногим, если не хуже, когда речь идет о живущих только личным подсобным хозяйством или пенсией, лучше положение и других сельских жителей.

Все сильнее сказывается на социальном облике деревни связанное с выше рассмотренными тенденциями *уменьшение величины свободного времени и ухудшение структуры досуга*. Один из последних, проведенных в рамках мониторинга Институтom аграрной социологии опросов занятого сельского населения 30-50 лет (без учета

**Оценки величины свободного времени, разнообразия  
и качества досуга (в % к числу опрошенных)**

ВОПРОС: "В последние 5 лет..."	Больше, лучше	Как и раньше	Меньше, хуже
Свободного времени у Вас стало	8,4	20,0	71,6
Разнообразие форм проведения досуга стало	5,1	25,2	69,7
Качество проведения досуга стало	4,2	19,8	76,0
Возможностей для платного досуга стало	6,9	12,3	80,8

*Источник:* данные опроса (осень 2003 г., N = 669).

**Динамика материальной основы и показателей работы  
учреждений сельской культуры**

Число учреждений, показатель работы	1980	1990	2003
Киноустановок, тыс.	72	62	17
Посещений киносеансов, млн.	797	540	11
В среднем на одного жителя	19	14	0,4
Клубных учреждений, тыс.	68	63	46
Общедоступных библиотек, тыс.	42	42	38
Книг, млн. экз.	358	422	365

*Источник:* Россия в цифрах в 2003 году. М., 2004.

безработных) дал следующую картину его оценок изменений в этих важнейших для духовной культуры показателях (табл. 6).

Явное ухудшение показателей свободного времени стало следствием роста сверхзанятости основной массы сельского населения в малопроизводительном личном подсобном хозяйстве. Масштабы его у большинства удвоились и утроились, причем, если раньше наиболее тяжелые и трудоемкие работы в нем осуществлялись колхозно-совхозной техникой, то с резким сокращением этого сектора они легли на плечи самого населения. Между тем, малая механизация для ЛПХ, о которой было много разговоров в начале реформ, до села так и не дошла. Другой причиной является исторически присущая малым формам аграрного хозяйствования трудовая сверхэксплуатация в единолично-фермерских хозяйствах: таким путем их владельцы пытаются возместить слабость механизации и электрификации крестьянско-фермерского производства.

Более благоприятны по сравнению с другими показатели возможностей для платного досуга. Но и они не высоки. И главное, что этими возможностями обладают в основном руководители СХП, главные специалисты, удачливые главы крестьянско-фермерских хозяйств и сельские коммерсанты-бизнесмены, которые не могут воспользоваться ими из-за нехватки у них свободного времени. А обладатели последнего, наоборот, не имеют материальных возможностей для использования платных форм проведения своего досуга. Что касается низких показателей оценок разнообразия форм и качества досуга, то оно во многом обусловлено ухудшением его материальной основы. Об этом свидетельствует количественная динамика наиболее массовых учреждений сельской культуры и эффективности их работы (табл. 7). В аналогичном направлении изменяются другие элементы культурной инфраструктуры села. Поэтому, как ни изощряются сельские работники разнообразить работу этой сферы, возможности их год от года сокращаются подобно шагреновой коже.



**Численность умственно отсталых и лиц с психическими заболеваниями**  
(в расчете на 10 тыс человек сельского населения)

Показатели	1994	2000	2002
Число умственно отсталых :село	92,0	107	114
город	48,4	52	53
в т.ч. с впервые установленным диагнозом:село	5,4	8,1	7,7
город	3,0	3,4	2,9
Число психически больных:село	212	252	268
город	233	286	291
в т.ч. с впервые установленным диагнозом:село	20,7	26,5	29
город	375	41,4	52

Источник данные Минздрава и РАМН

Еще хуже ситуация с материальной основой сельского быта.

*Распад социокультурной среды тесно взаимосвязан с разрушением традиционной сельской демографической культуры*, ставшей, наряду с ухудшением условий существования сельского населения, мощным фактором депопуляции и вырождения деревни. За период 1990-2003 г. ожидаемая продолжительность жизни у сельских женщин снизилась с 74 до 71, а у мужчин с 62 до 57 лет; коэффициент суицидов среди сельского населения за этот период вырос в 1,7 раза; показатель рождаемости в деревне снизился в 1,5 раза, и наоборот, коэффициент смертности увеличился более чем в 1,3 раза, достигнув не имевшего прецедента ни в одной развитой стране мира уровня в 18,7 промиллей. И это еще не самая страшная беда. Страшнее другое. Мониторинг ИАС показывает ускоряющиеся темпы утраты сельской семьей крепивших ее традиционных ценностей, ориентации на содружество и сотрудничество в ней разных поколений, на супружескую верность и нестяжательство в семейных отношениях. Экономические условия, в которых приоритет получает индивидуалистическое выживание и существование, обесценивает не только эти ценности, но и традиционные установки на расширенное воспроизводство семьи, идеал и авторитет детности. Это чревато более страшными последствиями. В двух мониторингах ИАС было опрошено в общей совокупности 737 не имеющих детей молодых людей до 30 лет. Из них не пожелало иметь детей в перспективе 26,8%, еще 59,3 ориентируются на одного ребенка, остальные затруднились ответить. Отказ под влиянием СМИ и других средств манипулирования массовым сознанием от традиционной для деревни культуры половой жизни, насаждение культа свободного секса, алкоголизация сельского населения уже подорвали способность 1/3 сельских мужчин и женщин фертильного возраста к зачатию. Еще 1/5 часть их способна воспроизвести только потомство, обремененное теми или иными существенными генетическими сбоями. Доля такого потомства неудержимо растет (табл. 8).

Динамический прогноз этих и других объективных показателей свидетельствует, что если не переломить характеризующую ситуацию, то уже в перспективе 15 лет трудоспособное население российской деревни уполовинится. При сохранении такой динамики к концу первой четверти XXI в. российская деревня как функциональная подсистема общества в сущности исчезнет: полтора десятка млн. сохранившегося к тому времени сельского населения в социокультурном аспекте трансформируются из активного социально-территориального сообщества созидателей новых богатств в пассивную массу доживающих свой век стариков и умственно неполноценных потребителей.

**Динамика социокультурных связей населения малых деревень**  
(количество контактов в неделю на 100 жителей)

Вид контактов	1986-1988		2002-2003	
	Характер контактов			
	Внутри деревни	С внешним миром	Внутри деревни	С внешним миром
С муниципальной властью	665	599	100	81
в том числе:				
по личным вопросам	294	251	89	74
по общественным	376	347	11	4
Производственные	827	649	108	65
в том числе:				
рабочие	491	273	84	56
совещательные	336	376	24	9
Сервисные	275	393	179	80
Торговые	414	257	117	181
Культурные	309	369	92	62
Досуговые	537	283	502	115
Родственные	447	315	469	89
Итого	4301	3514	2170	819

*Источник:* по данным выборочных исследований сектора социологии деревни ИС АН СССР (1986-1988 гг.) и ИАС.

Наряду с вышерассмотренными тенденциями деградация социокультурного пространства современной российской деревни все более чревата распадом системности цивилизационных ценностей, прежде всего присущих традиционной, освященной православной, исламской и буддистской религиями, крестьянской культуре российской деревни, составляющей фундамент самобытности народов России, ее целостного исторического бытия. Этому способствует нарастающий *разрыв общественных связей социокультурного пространства деревни*, ослабляющий основные скрепы формировавшейся многие столетия национальной культуры общежития сельского населения, лишаящий его духовно-созидательного потенциала.

Если вся предшествовавшая история развития России представляла собой более-менее последовательную цепь вовлечения во всеединство общественного бытия всех сословий и социальных слоев самой далекой крестьянской глубинки, то сегодня наметилась обратная тенденция социальной дезинтеграции страны, особо рельефно проявляющаяся именно в деревне. Это выражается не только в том, что в ее социокультурном пространстве все больше становится, как уже показано, вытесняемых из системы общественных связей маргинальных и люмпенизированных людей, но и в резком снижении социально-культурных контактов и связей между "нормальными" гражданами (табл. 9).

Нетрудно заметить, насколько обеднели социокультурные связи почти 10 млн. чел., проживающих в сельской глубинке: количество контактов сократилось в целом более чем в 2,6, в том числе внутридеревенских в 2,3 и с внешним по отношению к внутридеревенскому социокультурным пространством почти в 4,2 раза. Распадаются даже родственные (за счет более чем трехкратного снижения контактов с проживающими в иных поселениях, районах и регионах, преимущественно родителей с детьми) и ослабевают досуговые связи с миром за околицей. Существенно, в 8 раз, в том числе внутри деревни по общественным делам в 34 раза и за пределами ее в 48 раз уменьшилось количество контактов с органами и работниками местного управления. Еще

в большей степени, почти в 9 раз, сокращение коснулось производственных контактов, при этом количество совещательных связей уменьшилось в 21,6 раза. Все это характеризует отстраненность масс от проблем местного самоуправления и растущее отчуждение их от управления и организации труда. Соответственно, растет и равнодушие людей к эффективности производства и культурно-общественной жизни за околицей, слабеет осознание себя созидателем общего блага, членом общества, гражданином страны.

Аналогичные процессы имеют место в средних и крупных сельских поселениях, а многие из них характерны и для всего социокультурного пространства деревни.

Рассмотренные и оставшиеся за рамками рассмотрения сдвиги в социокультурном пространстве современной российской деревни обретают необратимый системно-структурный характер. Это грозит ей в перспективе не просто деформациями культурного, социального, экономического развития, но социально-цивилизационной деградацией и сходом с арены исторического бытия. А без деревни не выжить (даже без усилий по ее развалу извне) и России, поскольку оставшиеся без социального контроля со стороны постоянно проживающего населения одичавшие сельские просторы создадут смертельные угрозы и для ее городов.

Очевидна насущная необходимость создания достаточно мощных заслонов на пути выше очерченных социокультурных процессов и тенденций. Ибо приближение того часа, когда создавать такие заслоны будет поздно, год от года ускоряется. К сожалению, царящее спокойствие относительно рассмотренной угрозы показывает, что острота ее не понимается ни большинством российского общества, ни той частью правящей элиты, которая определяет и вырабатывает стратегию развития страны, оказывает решающее влияние на ее реализацию. И те и другие, похоже, убаюканы резким сокращением протестных движений, которые были примечательны для деревни 1990-х г., и не хотят понять, что опускающаяся на сельское бытие тишина - это кладбищенская тишина всероссийского масштаба.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См. *Староверов В.И., Захаров А.Н.* Трагедия радикально-либеральной модернизации российского аграрного строя. М.: ИСПИ РАН, 2004. С. 264.
2. Социально-демографическое воспроизводство деревни в условиях агропромышленной интеграции. М., 1986; *Староверов В.И.* Деревня // Социологическая энциклопедия. Т. 1. М., 2003. С. 172.